

Редкий день обходился без мошенничества. Мошенничали и купцы, продававшие нам олифу, и подрядчики, и ребята, и заказчики. Само собою, ни о каких наших правах не могло быть и речи, и свои заработанные деньги мы должны были всякий раз выпрашивать как милостыню, стоя у черного крыльца без шапок.

А.П. Чехов. Моя жизнь

Зачем на русский язык переведена статья профессора Манчестерского университета Ф. Жилио о «несправедливом» и «неосновательном» обогащении?

В 2015 г. мне довелось давать консультацию по делу, в котором основным был вопрос: имеет ли право подрядчик взыскать денежные средства за выполненные работы с собственника созданной им вещи, когда заказчик ликвидирован?

Ситуация, в которой возник этот правовой вопрос, сложилась в результате ряда хитросплетений: в России планировалось проведение Олимпийских игр, для этого необходимо было построить множество объектов. Роль организатора застройки была возложена представителями власти на специально созданную государственную корпорацию «Олимпстрой», которая по конкурсу определила генерального подрядчика — ООО «Корпорация Инжтрансстрой». Генеральный подрядчик привлекал подрядчиков для строительства того или иного объекта. В преддверии Игр «Олимпстрой» провел с представителями всех подрядчиков совещание, по результатам которого был составлен протокол, в котором определялось, кто из подрядчиков и что должен был достроить в кратчайшие сроки. Времени на проведение конкурса не было. Впоследствии каждый из подрядчиков выполнил работы, порученные ему по протоколу. Генеральный подрядчик оплатил работы, предусмотренные договорами подряда, однако отказался оплачивать работы, зафиксированные в протоколе» поскольку они были вне рамок договоров подряда. Задания на строительство дополнительных объектов были получены напрямую от «Олимпстроя».

Пока велись переговоры об оплате работ генеральным подрядчиком, «Олимпстрой» был ликвидирован на основании федерального закона. В отношении генерального подрядчика ООО «Корпорация Инжтрансстрой» началась процедура банкротства. Подрядчиков, желавших получить денежные средства от генерального подрядчика, в реестр требований кредиторов не включили, так как их требования об оплате выполненных работ не были основаны на договорах с должником.

Объекты, возведенные непосредственно по поручению «Олимпстроя», располагались на муниципальных земельных участках. В соответствии с распоряжением

Правительства РФ от 02.12.2013 № 2243-р олимпийские объекты были переданы в собственность муниципального образования «Город Сочи».

Один из подрядчиков, не получивший плату за работы по той причине, что они не охватывались договором подряда, а непосредственный заказчик ликвидирован, обратился с иском о взыскании неосновательного обогащения к муниципалитету г. Сочи как лицу, чье имущество улучшено за его счет.

Суды всех инстанций поддержали позицию об отказе в иске, не усмотрев на стороне ответчика неосновательного обогащения, поскольку «спорное имущество получено ответчиком при наличии к тому правового основания, а именно распоряжения Правительства РФ» (дело № А32-35045/2014).

Позиция об отсутствии неосновательного обогащения на стороне нового собственника вещи подкреплена вескими аргументами. Традиционно считается, что для неосновательного обогащения должна иметься совокупность трех признаков: (1) приобретение или сбережение имущества (2) без правового основания и (3) за счет другого лица. В данном деле ответчик получил имущество по основанию.

В то же время ситуация, когда работа подрядчика не оплачена, демонстрирует некий сбой в правовых институтах, так как нет бесспорного механизма получения причитающегося. В работах некоторых советских и постсоветских ученых встречаются краткие рассуждения о возможности обогащения посредством действия третьего лица, когда собственник получает выгоду от улучшения или застройки принадлежащего ему имущества вследствие того, что другое лицо понесло расходы на это в рамках отношений с третьим лицом.

В советской литературе об этой конструкции писал В.А. Рясенцев, приводя следующий пример: организация отремонтировала автомобиль по заказу лица, которому автомобиль был предоставлен в безвозмездное пользование, однако плату за произведенные работы от заказчика не получила. Стоимость автомобиля увеличилась, а потому его собственника можно считать обогатившимся за счет осуществившего ремонт подрядчика, но через посредство действия третьего лица¹.

В постсоветской литературе Д.В. Новак высказывается в пользу признания обогащения в подобных случаях и приводит пример из дела ФАС Северо-Западного округа от 07.10.2005 № А21-6084/03-С1: обществом с ограниченной ответственностью был предъявлен иск к муниципальному образованию о взыскании неосновательного обогащения, полученного в результате выполненных обществом работ по реконструкции нежилых помещений. Спорные помещения, являющиеся муниципальной собственностью, были сданы в аренду обществу неуправомоченным арендодателем. Договор позволял производить реконструкцию. После реконструкции он был признан недействительным, а общество выселено из помещений. Однако стоимость неотделимых улучшений взыскана с собственника (муниципального образования)².

¹ См.: *Рясенцев В.А.* Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве // Ученые записки МГУ. 1949. Вып. 114. С. 90

² См.: *Новак Д.В.* Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., 2010. С. 231.

Ученые высказывают мнение, что обогащение возможно, когда вещь собственника улучшена по поручению третьего лица, приводят примеры таких дел, однако не рассказывают историю вопроса.

В знаменитой переведенной на русский язык работе К. Цвайгерта и Х. Кетца по сравнительному праву высказано мнение, что обогащение посредством действия третьего лица стало обсуждаться в европейской литературе после дела Будье, решение по которому Кассационный суд Франции вынес 15 июня 1892 г.³

В этом деле истец Будье поставил удобрения арендатору земельного участка, который использовал их по назначению. Когда истец потребовал оплаты удобрений, оказалось, что арендатор обанкротился, а собственник земли прекратил договор аренды, при этом стороны договора условились, что стоящий на корню (с уже внесенными удобрениями) урожай после оценки его экспертами пойдет на погашение долга по аренде. Истец, узнав об этой договоренности, предъявил иск о возмещении стоимости удобрений непосредственно собственнику земельного участка, учитывая неплатежеспособность арендатора. Суд иск удовлетворил, признав, что собственник земельного участка обогатился за счет использования удобрений и должен возместить поставщику их стоимость⁴.

Авторы приводят пример, но не доводы в пользу признания обогащения на стороне собственника.

Публикацией, в которой приведены интересные аргументы в пользу взыскания денег с лица, обогатившегося по основанию за счет другого лица, оказалась статья проф. Манчестерского университета Ф. Жилио⁵. Автор отмечает, что бывают такие случаи, когда одно лицо обогащается за счет другого при наличии основания. Строго говоря, ситуация не подпадает под понятие неосновательного обогащения, поскольку у собственника есть основание для возникновения права. Однако представление юристов о справедливости требует обеспечить потерпевшему иск к обогатившемуся. Ученый делает краткий исторический экскурс в право обогащения, из которого видна системность континентального права и своеобразие английского права, в котором азбучные истины объясняются цитированием сложных умозаключений судей-лордов.

В статье Ф. Жилио рассказывает, что неосновательное обогащение до настоящего времени представляет собой не единый институт, а набор исков⁶. Есть формально-

³ См.: Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 2. М., 1998.

⁴ См. там же. С. 295.

⁵ Итальянец по происхождению, Ф. Жилио получил юридическое образование в Италии, работал над диссертациями в Германии, последние двадцать с лишним лет преподает в Манчестерском университете. В своих работах автор отстаивает идеи о том, что в Англии была латентная рецепция римского права, а английское право является особой ветвью европейской правовой традиции.

⁶ А.Л. Маковский именуется проблему генеральной кондикцией: если есть общие условия удовлетворения иска из обогащения, то правопорядок признает генеральную кондикцию; если общих условий нет, то в правопорядке набор исков из обогащения, условия удовлетворения которых разнятся (см.: Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения // Гражданский кодекс РФ. Часть 2. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель. М., 1996. С. 598).

юридическое понятие неосновательного обогащения, которое характеризуется отсутствием основания для получения выгоды и восходит к римскому понятию *condictio* (кондикционный иск). На основе принципа добросовестности в обязательственном праве, предполагающего эквивалентность обмена, можно сформировать более широкое понятие обогащения, характеризующееся получением выгоды без встречного предоставления. Такая трактовка обогащения восходит к римскому понятию *action de in rem verso* (версионный иск).

Автор высказывает мнение, что английское право обогащения находится в процессе формирования и поэтому при дальнейшем развитии может учитывать версионные иски.

Правовая система России в целом находится в процессе формирования, и знание о версионных исках будет полезно для российских юристов.

Поскольку аналогичные исследования не публиковались на русском языке, мы решили, что перевод этой подлинно научной статьи расширит представления отечественных юристов о праве обогащения, даст основания для размышления над проблемой и поможет найти оптимальные мотивы для справедливого решения в российском праве. Практика показывает, что вопрос является актуальным и ненадуманным. С появлением в ГК РФ общего принципа добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ) можно поразмышлять о его влиянии на применение правил о неосновательном обогащении.

Перевод выполнен слушателями Российской школы частного права А. Зайцевым, Р. Макиным, М. Погореловым, Р. Серб-Сербиным, Е. Ширужиной, К. Шорстовой. Общая редакция текста и вступление М. Ероховой. На фоне отказа нескольких российских научных организаций от помощи в приобретении лицензии на перевод у правообладателя — *Oxford Law Journal* — мы выражаем особую благодарность за приобретение лицензии Московской городской коллегии адвокатов «Делькредере» и лично А. Майданник и Д. Юрову за меценатство. Без покупки лицензии публикация этой работы была бы невозможна. Понимание статьи, ее плюсов и минусов было бы неполным без обсуждения ее основных идей с Д. Новаком, который концептуально поддерживает идею версионных исков. Качество перевода удалось улучшить благодаря критическим замечаниям и высококлассной правке некоторых частей текста проф. Д. Дождевым, а также В. Гербутовым, который концептуально не разделяет ни предлагаемую автором систематику кондикционных требований, ни ее обоснование и полагает, что допущение версионных исков может дестабилизировать складывающуюся российскую систему неосновательного обогащения, он тем не менее приветствует начало публичной дискуссии по данным вопросам. Огромное спасибо коллегам за помощь.

М. Ерохова

Франческо Жилио
профессор

Системный подход к «несправедливому» и «неосновательному» обогащению*

Институт неосновательного обогащения регулирует ситуации неправильно-го распределения материальных благ. По английскому праву недостаточно ясно, требуется ли для реституционного иска об обогащении**, чтобы переход блага был «неосновательным» или «несправедливым». Автор утверждает, что эти два прилагательных указывают на существование двух исков, которые отличаются структурой и целями. Неправильное употребление определений «несправедливое» и «неосновательное» объясняется существованием двух разных правовых принципов. «Несправедливое» обогащение относится к концепции справедливости в юридических сделках, которая не зависит исключительно от строгих правовых норм. «Неосновательное» обогащение является юридическим ответом на ситуации, когда на стороне приобретателя отсутствует основание для возникновения права. Оба иска происходят из римского права. После описания происхождения и назначения обоих исков в первой части статьи дается краткий обзор их эволюции в немецкой, французской и итальянской правовых системах. Во второй части статьи рассматривается вопрос, может ли подход, существовавший в римском праве, послужить развитию этого института в английском праве. Несмотря на то, что рамки этого института пока не установлены, представляется, что нормы, посвященные обогащению в английском праве, могут выиграть благодаря анализу предполагаемой двойственной структуры, похожей на одну из тех, которые, по мнению автора, характеризуют рассматриваемые континентальные юрисдикции.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, несправедливое обогащение, версионный иск

* Оригинал статьи см.: *Giglio F. A Systematic Approach to «Unjust» and «Unjustified» Enrichment // Oxford Journal of Legal Studies. 2003. Vol. 23. № 3. P. 455–482.*

Unjustified enrichment буквально переводится на русский язык как «неоправданное обогащение», однако этим термином обозначается институт, который у нас принято называть неосновательным обогащением, — сбережение имущества без основания. Поэтому общепринятый и известный термин *unjustified enrichment* мы перевели также общепринятым термином «неосновательное обогащение», а термин *unjust enrichment* — как «несправедливое обогащение» (это обогащение по основанию, но вопреки принципу справедливости).

** В английском праве иск из неосновательного обогащения именуется реституционным, хотя среди английских авторов на протяжении многих лет ведутся дискуссии о терминологии. Тем не менее, несмотря на некоторую условность, далее по тексту используется этот термин. — *Прим. пер.*

Francesco Giglio

Professor

A Systematic Approach to «Unjust» and «Unjustified» Enrichment

Abstract — The law of enrichment addresses situations of misplacing wealth. It is not clear in English law whether the restitutionary claim in enrichment requires an «unjust» or an «unjustified» transfer of wealth. The autor argues that the two adjectives indicate the existence of two claims, which differ in their structures and aims. «Unjust» and «unjustified» misplacements account for two different legal principles. «Unjust» enrichments refer to a concept of fairness in legal transfers which is independent of strictly legal rules. «Unjustified» enrichments trigger a legal response based on the lack of justification of the transfer. The two actions originate in Roman law. After having presented the origin and function of the claims, the first part of the article outlines their evolution in the German, French, and Italian legal systems. The second part examines whether the Roman law partition can be used to develop a systematic account for English law. Although the framework is still unsettled, it seems that the English law of enrichment may benefit from analysis in the light of a dual structure akin to the one which, in the autor's view, characterizes the civil jurisdictions under examination.

Keywords: unjustified enrichment, unjust enrichment, actio de in rem verso

1. Введение

Институт обогащения¹ регулирует ситуации неправильного распределения имущественных благ. Иск из неосновательного обогащения, следствием которого в английском праве является реституция, применяется, когда материальные блага передаются неуправомоченному получателю.

Один из ключевых элементов для понимания неосновательного обогащения заключается в противоречии между типами неправильного перераспределения благ, которые служат основанием для заявления требования о реституции. И в континентальном, и в общем праве эти требования обычно именуется как иски из «неосновательного» или «несправедливого» обогащения. Эти термины подчеркивают тот факт, что в некоторых случаях передачи материальных благ отсутствует некий признак, который позволит применить к ним нормы и принципы обязательственного права. Они подразумевают, что элементами, отсутствием которых открывает возможность реституции, являются «справедливость» и «основательность».

¹ Нейтральный термин «институт обогащения» не имеет контекстуального значения. Строго говоря, он подразумевает все типы обогащения: законное и незаконное, несправедливое и неосновательное. В данном контексте он будет использован для описания и несправедливого, и неосновательного обогащения.

Хотя некоторые авторы² отмечали, что «неосновательное» и «несправедливое» обогащение расставляют акценты на различных элементах одного и того же иска, эти два термина все равно рассматриваются как синонимы³. В настоящем исследовании будет показано, что «неосновательное» обогащение и «несправедливое» обогащение не идентичны по своему значению. Несправедливое обогащение относится к понятию справедливости в юридических сделках, которое в известной степени не зависит исключительно от строгого права. Неосновательное обогащение связано с отсутствием основания. «Справедливость» и «добросовестность» нелегко вписываются в аналитические конструкции, которые характерны для аргументации в гражданском праве, поскольку являются слишком общими категориями. Правовые системы континентального права предпочитают идею «юридического формализма*», ибо она связана с конкретными юридическими условиями, отсутствие которых приводит к требованию о реституции. Нормы о возврате обогащения в общем праве имеют значительно менее продолжительную историю, а терминологический аппарат стал складываться только в последнее время. Системный анализ «неосновательного» и «несправедливого» обогащения в английском праве становится тем более важным, поскольку может быть более точным, чем в системах континентального права, обремененных длительной традицией в этом вопросе.

Тщательная оценка исков о неосновательном и несправедливом обогащении ведет к значительным системным последствиям. Правовые институты могут быть правильно поняты только тогда, когда они анализируются в надлежащем контексте. Некорректный системный анализ влияет на правоприменение. Как заметил Э. МакКендрик, «систематизация является важным элементом обеспечения того, что схожие дела рассматриваются одинаковым образом, что, в свою очередь, выступает основополагающим аспектом правосудия»⁴.

«Неосновательное обогащение» и «несправедливое обогащение» нельзя считать одним правовым институтом, полагая, будто эти понятия различаются лишь семантически. На самом деле между ними субстанциальное различие. Оно отражает принципиальное деление реституционных исков: наряду с более традиционным иском, основанным на отсутствии правового обоснования передачи материальных благ, дается второй иск о несправедливом обогащении, когда передача материальных благ идет вразрез с принципами справедливости. Называя обогащение «неосновательным» или «несправедливым», система права указывает на два различных иска, сосуществующих в рамках одного института обогащения. Эти иски, имеющие различные задачи, цели и реквизиты, представлены во многих европейских правовых порядках. Сравнение с некоторыми из них будет способствовать более детальному изучению английского права.

² См., напр.: В. Nicholas «Unjustified Enrichment in the Civil Law and Louisiana Law», 36 *Tulane L Rev* 605-46 (1962), *passim*; а также: G. Dannemann «Unjust Enrichment by Transfer: Some Comparative Remarks», 79 *Texas L Rev* 1837-67, *840 (2001).

³ D. Johnston and R. Zimmermann, «Unjustified enrichment: surveying the landscape» in Johnston and Zimmermann (eds), *Unjustified Enrichment: Key Issues in Comparative Perspective* (Cambridge, 2002). P. 3-33, 3. Авторы называют термины «несправедливое» и «неосновательное» обогащение «загадочными».

* В русском языке можно выразить словом «законность». — *Прим. пер.*

⁴ E. McKendrick, «Taxonomy: Does It Matter?» в *Unjustified Enrichment: Key Issues in Comparative Perspective*. (см. выше прим. 3). P. 627-57, 632.

Анализ основан на следующих предпосылках: а) реституция как следствие обогащения — это общая черта континентального и общего права; б) основные реституционные модели, принятые в рассматриваемых правовых системах, восходят к римскому праву; в) система гражданского права и система общего права используют сходные реституционные модели.

Настоящее исследование начинается с изучения норм римского права, посвященных обогащению. Следующим шагом будет ответ на вопрос, сохранился ли дуализм римского права в каких-либо современных правовых системах. В частности, сравнительный анализ сосредоточится на немецкой, французской и итальянской правовых системах. Его выводы будут использованы при рассмотрении английского права обогащения.

2. Основы реституции в римском праве

В римском праве, когда вещь передавалась во исполнение обязательства, например по договору купли-продажи, собственность возникала вследствие передачи вещи, даже если договор не имел юридической силы*. Такой недействительный договор не мог быть основанием или оправданием передачи вещи. В то же время, несмотря на недостаток правового основания, собственность переходила к покупателю. Для устранения подобного неудовлетворительного итога римские юристы выработали прием, с помощью которого можно устранить вещные последствия исполнения недолжного. Этот иск стал известен как кондикция (*condictio*). Учение о кондикции описывает часть римского обязательственного права, которая регулирует случаи, когда передача материальных ценностей осуществлена без правового основания (без каузы)⁵.

Причина отсутствия правового основания не влияет на возможность предъявления иска. Наиболее распространенный из таких исков, именуемый *condictio indebiti*, позволяет осуществить реституцию того, что было исполнено по недействительному договору; этот иск может быть также использован, когда между сторонами не было заключено никакого договора и исполнение было произведено по ошибке. Вследствие этого кондикционный иск подходил всегда, когда передача материальных ценностей не имела правового основания, независимо от того, имело ли место исполнение по недействительному договору или без всякого договора. Это был иск о взыскании долга, допускающий как договорное, так и внедоговорное основание.

Римские юристы разработали и другие кондикционные иски, которые не требовали договорной основы. Следующий случай является хорошим примером: Тиций передал Гаю некоторую сумму денег. Они между собой неформально договорились, что сразу после получения денег Гай освободит своего раба Стиха. После получения денег Гай не освободил Стиха. Тиций может обратиться к Гаю с иском

* Это утверждение автора по меньшей мере спорно. — Прим. проф. Д.В. Дождева.

⁵ См. о кондикциях в целом: R. Zimmerman, *The Law of Obligations* (Cape Town, 1990). P. 834-57.

о возврате предоставленного, цель которого не осуществилась (*condictio ob rem*)⁶, для взыскания денег.

Условиями римской кондикции были: а) непосредственное предоставление от истца к ответчику⁷; б) отсутствие основания, которое могло бы оправдать удержание вещи ответчиком.

Наличие этих двух критериев указывает, что кондикция не была универсальным средством для всех случаев, когда передача вещи одной стороны осуществлялась в ущерб другой. Там, где, например, передача вещи не осуществлялась напрямую между сторонами, кондикция не защищала лицо, право которого было нарушено. Так, если раб купил зерно, которое затем использовал для приготовления пищи своему хозяину, именно раб, а не его хозяин, становился обязанным по встречному предоставлению, поскольку римские юристы не допускали прямого представительства. В отсутствие иска о взыскании долга продавец зерна понес бы убытки, если раб был неплатежеспособен, поскольку право не знало никаких специальных средств, с помощью которых продавец мог бы проследить (*to trace*)^{*} поступление обогащения к хозяину раба.

Этот дисбаланс необходимо было изменить. Так как закон не предоставлял решение, претор лично вмешался, предложив новый преторский иск, который был назван *actio de in rem verso* (иск о том, что было обращено в имущество ответчика)⁸. С его помощью истец мог взыскать стоимость имущества, обращенного ответчиком в свою пользу (*in rem versum*). Первоначально этот иск имел ограниченную сферу применения. Великий римский юрист Ульпиан в Дигестах описывал только три подходящих случая. Все они имели аналогичную указанному выше примеру структуру: лицо, права которого нарушены, не могло обратиться с другим требованием, поскольку иск в отношении лица, в пользу которого непосредственно было произведено исполнение (раба, члена семьи, не имеющего имущества в собственности), не достигал бы цели. Во всех таких ситуациях, когда иск о взыскании долга по договору был бесполезен и третье лицо получало выгоду от передачи имущества, претор предоставлял *actio de in rem verso* для защиты потерпевшего.

Условиями этого нового иска были: а) трехсторонние отношения; б) ограничение размера ответственности размером обогащения ответчика; в) экономические потери истца⁹. Со временем от первого из них отказались и рассматриваемый иск стал применяться к двусторонним отношениям¹⁰.

⁶ Об исках о возврате предоставления, цель которого не осуществилась (*condictio ob rem*), см.: M. Kaser, *Das Römische Privatrecht*, vol. I (München, 1971). P. 354.

⁷ В некоторых случаях такой иск мог быть подан также против третьего лица, которое не получало вещь напрямую от истца. См.: D. Liebs, «The History of the Roman Condictio up to Justinian» в N. MacCormick and P. Birks (eds) *The Legal Mind: Essays for Tony Honore* (Oxford, 1986). P. 163–83, особенно 170–72.

^{*} Автор апеллирует к *tracing* — средству защиты, свойственному общему праву, которое позволяет преследовать последующих получателей имущества, переданного по сделке. — *Прим. проф. Д. Дождева*.

⁸ См.: G. MacCormack, «The early History of the «Actio de in Rem Verso» (Affenus to Labeo)» в F. Pastori et al. (eds) *Studi in onore di Arnaldo Biscardi*, vol 2 (Milano, 1982). P. 319–39, особенно 322–3.

⁹ См.: Zimmermann (см. выше прим. 5). P. 878–84.

¹⁰ По вопросу этого изменения, которое происходило на протяжении XVIII в., см.: Ibid. P. 881–3.

Реквизиты этого иска ясно говорят о том, что его природа близка к праву справедливости. В отличие от кондикционного требования, которое основано на исполнении между сторонами, версионный иск (*actio de in rem verso*)* имел структуру, напоминающую существовавшее в английском праве возражение на изменение положения: третья сторона — получатель отвечал не за все исполнение, совершенное истцом, а лишь в той степени, в которой он этим исполнением обогатился. Кроме того, лицо, права которого были нарушены, могло требовать реституции только в пределах понесенных потерь, а не реальной стоимости вещи. Если, например, пивовар продал пиво рабу для его хозяина, он мог требовать не рыночную стоимость пива, а только понесенные убытки, т.е. сумму, на которую уменьшилось его имущество. Следовательно, размер реституции, присуждаемый претором, определялся по соотношению между обогащением ответчика и обнищанием истца, в то время как в кондикционном требовании истец стремится получить стоимость произведенного исполнения независимо от выгод, полученных ответчиком, и от реальных потерь, понесенных истцом.

3. Иски из несправедливого и неосновательного обогащения

Две реституционные модели римского права — *condictio* и *actio de in rem verso* — сохранились с некоторыми модификациями в современных правовых системах. В результате перемещения имущества может быть активировано одно из средств правовой защиты. Неосновательное обогащение влечет реституцию посредством кондикции¹¹. Обогащение не должно быть неосновательным для того, чтобы породить иск по модели *actio de in rem verso*; для этого иска достаточно, чтобы обогащение было несправедливым с точки зрения общих правовых принципов. В рамках обязательственного права римские юристы различали два разных средства правовой защиты. Кондикция была ориентирована на возврат имущества в том смысле, чтобы отдать то, что было предоставлено без основания (*sine causa*). Объектом этого средства защиты было предоставленное имущество само по себе или, по крайней мере, его часть, ставшая имуществом ответчика. Следовательно, не имело значения, обогатился ли ответчик за счет предоставления. Равным образом было неважно, действительно ли истец понес какие-либо экономические потери. Состояние сторон никак не влияло на содержание реституционного требования.

Actio de in rem verso, напротив, вытекало из необходимости избежать несправедливости, независимо от того, были ли стороны спора связаны исполнением обязательства. Это средство правовой защиты было призвано обеспечивать действие общих принципов права. В отличие от *condictio*, при рассмотрении этого иска имело значение, был ли истец лишен своих средств и обогатился ли ответчик, поскольку в данном случае право было нацелено на решение по справедливости, которое принимало бы во внимание общее положение обеих сторон. В результате ответчик

* Далее автор иногда именуется это требование *versio*-иском, а мы введем термин «версионный иск». — *Прим. пер.*

¹¹ См. использование понятия «обоснование» у Б. Николаса: В. Nicholas (см. выше прим. 2). Р. 613–614. Автор называет отсутствие правового оправдания или основания условиями удовлетворения кондикционных исков.

не мог нести ответственность за несправедливое обогащение за пределами конкретной выгоды, которую он получил в результате обмена благами и которая находится в его активах по настоящее время. Вместе с тем требование истца не могло превышать его реальные потери. И наконец, реституционное средство защиты в этом случае не могло обуславливаться недействительностью основания передачи, как требовалось для кондикции. На самом деле версионный иск мог быть предоставлен, несмотря на наличие действительного основания. Этот механизм отражает происхождение иска, когда претор давал его против третьей стороны/господина, даже если сделка между истцом и рабом не вызвала возражений.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что можно распознать наследие этих римских исков в современных правовых системах. Основной, но отнюдь не исключительной, сферой применения кондикции являются последствия недействительности договоров и платежи по ошибке. Предметом иска выступает требование о возврате переданного без основания, а именно вещи или суммы денег. Что касается реституции вещей, то там, где это возможно, должен быть произведен возврат в натуре (*in rem*), а не выплата денежного эквивалента. В отношении денег, а также другого движимого имущества, определенного родовыми признаками, такого как зерно, бензин и т.д. (*tantundem eiusdem generis et qualitatis*), должно быть возвращено имущество того же рода и качества. Изменение цены или девальвация валюты никак не влияют на реституцию. Норма права, которая лежит в основе такого иска, гласит: то, что было исполнено *sine causa* (без основания), может быть истребовано.

Условия современной кондикции следующие: 1) предоставление; 2) отсутствие правового основания для такого предоставления; 3) прямая передача блага от истца к ответчику¹².

Другие факторы, связанные со сторонами или спорной вещью, например добросовестность или недобросовестность либо увеличение ценности вещи, не являются необходимыми условиями этого иска, по крайней мере в его самой чистой форме. К ним не относится даже наличие вреда. Однако неправильно утверждать, что «при неосновательном обогащении в отсутствие вреда нарушается уравнивающая справедливость»¹³. Корректнее сказать, что иск из неосновательного обогащения может быть вызван и противоправным поведением. В то же время противоправность поведения не имеет значения при рассмотрении судом вопроса, имеет ли истец право на иск из неосновательного обогащения.

В противоположность кондикции, среди условий версионного иска нет предоставления со стороны истца. Передача благ по недействительному основанию также не является необходимой, так как стоимость имущества ответчика увеличивается не из-за нее. Этот иск инициируется нарушением основополагающих принципов права, а не формальных норм позитивного права. Здесь судья призван устранить нарушение справедливости, оценивая последствия перехода имущества для обеих сторон. Вследствие особенностей определения предмета иска нетипично, чтобы истец по версионному иску взыскивал всю выгоду, полученную ответчиком. Еще

¹² Как будет показано далее, немецкое право признает в известных пределах *condictio* в отношении не прямой передачи.

¹³ L. Smith «Restitution: The Heart of Corrective Justice». 79 *Texas L. Rev.* 2115–75. 2147 (2001).

более редким будет восстановление активов истца до состояния, которое было до обстоятельств, послуживших основой иска. Скорее всего, истец получит только часть выгоды ответчика, которая на момент предъявления иска все еще будет в наличии среди его активов. Обогащение, служащее поводом для этого иска, не должно быть неосновательным, оно должно быть несправедливым.

Правовой принцип, который лежит в основе версионных исков, восходит к известному высказыванию Помпония¹⁴ о том, что обогащение одного лица за счет другого противоречит естественному праву. Такой же двухчастной реституционной структурой характеризуются немецкая, итальянская и французская правовые системы.

4. Обогащение по немецкому праву

Параграф 24 второй книги Германского гражданского уложения (далее — ГГУ) посвящен *Ungerechtfertigte Bereicherung*, что буквально переводится как «неосновательное обогащение»¹⁵. Этот заголовок свидетельствует о том, что составители Уложения отдают предпочтение кондикционной модели иска. Подготовительные документы содержат еще один признак этой склонности законодателя, так как первая комиссия составителей ГГУ отметила: «В проект не включен версионный иск в смысле общего права или Прусского уложения»¹⁶, что показывает сознательный отказ от любых предложений по адаптации версионных исков¹⁷. Эта позиция составителей ГГУ, кажется, согласуется с заголовком рассматриваемого раздела — неосновательное, а не несправедливое обогащение¹⁸. На первый взгляд представляется, что версионный иск был исключен из германской правовой системы. Однако более глубокий анализ показывает иное. Для того чтобы стало возможным исключить версионный иск, сфера применения кондикции была существенно расширена судами. Судебное вмешательство создало новую разновидность реституции посредством нового толкования первого предложения п. 1 § 812 ГГУ: «Лицо, которое через действие другого лица или каким-либо иным образом (курсив автора. — Прим. пер.) приобретает или сберегает что-то за счет последнего без правового основания, обязано вернуть ему полученное»¹⁹.

¹⁴ D. 50.17.206.

¹⁵ См.: R. Zimmermann «Unjustified Enrichment: The Modern Approach» (1995) 15 *OJLS* 403–429. Автор говорит о неосновательном обогащении применительно к немецкому праву.

¹⁶ Motive zu dem Entwurf eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich, Amtliche Ausgabe (Berlin and Leipzig, 1888) II, 871.

¹⁷ Потребность в категоричном отказе от *actio de in rem verso* главным образом была связана с активным применением немецкими судами этого средства защиты до введения в действие ГГУ (ср. D. König, *Ungerechtfertigte Bereicherung* (Heidelberg, 1985) 203–06). Обзор эволюции *versio*-исков в Германии до ГГУ см.: D. Reuter and M. Martinek, *Ungerechtfertigte Bereicherung* (Tübingen 1983) 18–20.

¹⁸ Некоторые немецкие компаративисты осознают разницу, см.: T. Krebs, «In Defence of Unjust Factors» в *Unjustified Enrichment* (см. выше прим. 3). P. 76–100, 79 («Удивительно, что немецкое право говорит о «неосновательном», а не о «несправедливом» обогащении»).

¹⁹ Перевод на английский выполнен S.L. Goren, *The German Civil Code* (Colorado: Littleton, rev'd edn, 1994).

Ученые²⁰ и суды²¹ сформулировали и признали два различных основания иска в этом положении закона. Первое основание выделяется на случай, когда действие заключается в предоставлении, осуществленном истцом в отношении ответчика, что напоминает *condictio* в римском понимании и что более известно как *Leistungskondiktion*, или кондикция из исполнения. В то же время реституция может быть вызвана другими событиями, которые, объединенные под словами «каким-либо иным образом», порождают реституционные требования, именуемые *Nichtleistungskondiktionen* (кондикции, не основанные на исполнении). Этот термин не раскрывает, какие положительные требования предъявляются к данному виду иска. «Обогащение любым иным образом» задумано как своего рода остаточная категория с ограниченной сферой применения. Поскольку *actio de in rem verso* не был включен в текст ГГУ, составители должны были столкнуться с пробелом в законе, связанным с отсутствием иска на случай, когда обогащение ответчика состоялось за счет истца, но не в результате его прямого действия. Решение этой проблемы было найдено путем распространения сферы *condictio* даже на случаи непрямого обогащения. Таким образом, иск против третьего лица допускается, когда передача блага от истца к третьей стороне, а от нее к ответчику недействительна, даже если не было прямого перехода блага от истца к ответчику.

Несмотря на столь сложную конструкцию п. 1 § 812 ГГУ, составители Уложения не смогли достичь цели и полностью отказаться от версионных исков²². Основная проблема немецкого права неосновательного обогащения проистекает из того, что *Nichtleistungskondiktion* является кондикцией, а не версионным иском²³, а кондикция и версионный иск не обязательно совпадают. ГГУ является примером того, каким громоздким может быть закон, когда два средства защиты объединены в одно. Хотя кажется, что система справляется с наличием только исковой модели, основанной на кондикции, детальный анализ позволяет выявить черты версионных исков в параграфах ГГУ, которые должны относиться исключительно к неосновательному обогащению. Так, п. 1 § 816 ГГУ гласит: «Если неуправомоченное лицо распоряжается объектом и эффект этого распоряжения затрагивает управомоченное лицо, то неуправомоченное лицо обязано вернуть последнему то, что оно получило в результате распорядительного акта. Если расположение совершенно безвозмездно, то эта обязанность возлагается на лицо, которое непосредственно извлекает выгоду в результате такого распоряжения»²⁴.

²⁰ См.: W. Wilburg, *Die Lehre von der ungerechtfertigten Bereicherung nach österreichischem und deutschem Recht* (Graz, 1934); E. von Caemmerer, «Bereicherung und unerlaubte Handlung» в H. Dölle, M. Rheinstein and K. Zweigert (eds), *Festschrift für E. Rabel*, vol. 1 (Tübingen, 1954) 333–401.

²¹ См.: P. Schlechtriem, «Rechtsprechungsübersicht Bereicherungsrecht» [1993] *Juristische Zeitung*. 24–31, 25.

²² Несмотря на то, что многие комментаторы ГГУ не связывают так называемую *Nichtleistungskondiktion* с отсутствием *versio*-исков, они признают неудачу законодателя в формулировке п. 1 § 812 ГГУ (см.: Reuter and Martinek (см. выше прим. 17). P. 22. Zimmermann (см. выше прим. 15. P. 417) отвергает *versio*-иск, но признает связь между *Nichtleistungskondiktion* и «несколько скудными основаниями *actio de in rem verso*».

²³ Nicholas (см. выше прим. 2. P. 615) обращает внимание, что даже обогащение любым другим образом «будет обычно необоснованным», а не несправедливым. Вместе с тем, похоже, автор смешивает кондикцию и версионный иск. Как он заметил (P. 617), в Германии обогащение в иных формах применяется субсидиарно, что для Франции и Италии, наоборот, типично для версионной исковой модели.

²⁴ Перевод на английский выполнен Goren (см. выше прим. 19).

В немецком праве дарение — это вид договора²⁵. Второе предложение п. 1 § 816 ГГУ устанавливает, что, несмотря на действительность договора дарения, лицо, которое сделало первоначальное распоряжение, может истребовать вещь обратно от третьего лица*. В этом и заключается *actio de in rem verso*. Безвозмездное отчуждение обеспечивает действительное основание для передачи имущественного блага, но право позволяет предъявлять реституционные иски на основе справедливости, поскольку несправедливо, когда третья сторона удерживает вещь, которая должна принадлежать истцу. Подобная конструкция содержится и в § 822 ГГУ. Немецкие ученые обращают всё большее внимание на эту проблему²⁶. Тем не менее они продолжают использовать выражение «неосновательное обогащение», чтобы обозначить случаи, которые правильнее было бы отнести к несправедливому обогащению.

5. Обогащение в итальянском и французском праве

ГК Италии заимствовал римскую структуру неосновательного обогащения. Основное средство защиты, содержащееся в ст. 2033–2040 Кодекса, рассчитано на случаи, когда истец совершает исполнение недолжного. Причина, по которой платеж совершается, значения не имеет²⁷. Единственным важным фактом является то, что передача благ не базируется на действительном основании (каузе). Обычно иск возможен только между сторонами, участвующими в передаче благ. В соответствии со ст. 2033 ГК Италии предметом иска выступает уплаченная без долга сумма, т.е. переданное благо, которое не имеет основания (юридической причины). Защита со ссылкой на состоявшееся изменение правового положения обычно ответчику недоступна²⁸.

Иск о возврате недолжно исполненного является порождением римской *condictio*, структура и содержание очень похожи. Однако нельзя сказать, что *actio de in rem verso* был совершенно исключен из реституционных средств защиты. В ст. 2038 ГК Италии описывается такая же ситуация, как в § 816 ГГУ: «треугольные» отношения, когда истец вправе требовать вещь от третьего лица, которое получил ее безвозмездно. Добросовестный ответчик вправе защищаться ссылкой на изменение своего положения. Поскольку договор дарения действителен²⁹, ответчик

²⁵ См. § 516–534 ГГУ.

* Смысл ситуации в том, что полученную третьим лицом на основании дарения вещь может истребовать бывший собственник, а не то лицо, которое совершило дарение в пользу третьего лица. — *Прим. пер.*

²⁶ См.: J. Esser, *Schuldrecht*, (Karlsruhe, 2nd ed., 1960) 808; A. Wacke, «Vorzüge und Nachteile des deutschen Bereicherungsrechts», in *Beiträge zum deutschen und israelischen Privatrecht, Gesellschaft zur Förderung der wissenschaftlichen Zusammenarbeit mit der Universität Tel-Aviv* (Köln, 1977) 131–52, 148–9.

²⁷ Например, уплативший ошибочно полагал, что он должник, или заплатил не тому лицу, или платеж не имеет основания в силу недействительности договора.

²⁸ Основное исключение описано в п. 3 ст. 2037 ГК Франции, который блокирует требование о возврате исполнения недолжного в случае добросовестности реципиента, получившего движимую вещь, которая была уничтожена. В таком случае ответчик отвечает только по общим правилам о неосновательном обогащении ст. 2041 ГК Франции.

²⁹ Согласно ст. 769 ГК Италии дарение является договором.

не может считаться обогатившимся без основания. Его обогащение основательно, но несправедливо, поэтому Кодекс предоставляет иск, который отличается от требования о возврате недолжно исполненного.

Статьи 2041 и 2042 ГК Италии описывают второй реституционный иск. Их положения говорят «об обогащении без основания». В данном контексте это выражение оказывается неясным, и похоже, что имеется в виду передача без основания (*causa*). Однако в реальности история этого иска и формулировка закона показывают, что *causa* в этих статьях, скорее всего, имеет технический смысл. Термин *causa* раскрывается в ст. 2041 ГК Италии с помощью прилагательного «несправедливое». Два этих термина вместе свидетельствуют, что в перечисленных статьях иск направлен на устранение несправедливого обогащения. Этот анализ подкрепляется сравнением с французским правом.

Общий иск из обогащения, предусмотренный ст. 2041 ГК Италии, был дебютантом. Тем не менее этот иск, который является современной версией римского *actio de in rem verso*, был известен и до его включения в Кодекс. Его современное возрождение можно связать с прецедентным решением Кассационного суда Франции по делу Будье³⁰. Формально ГК Франции признает только кондикционную модель защиты. Статья 1235 ГК Франции содержит правило, что любой платеж предполагает долг, а недолжно исполненное является объектом реституции. Механизм, позволяющий истребовать имущество из неосновательного обогащения, основан на фикции: в соответствии со ст. 1376 ГК Франции получатель недолжного обязан вернуть имущество тому, от кого он получил (*s'oblige a le restituer*).

В ГК Франции не упоминается второй столп римской реституционной доктрины — версионный иск*. Как следствие, на примере французского права легко увидеть затруднения, связанные с использованием исключительно модели кондикционного иска. Французские суды вынуждены были создать новый иск, чтобы дать защиту потерпевшему от несправедливой потери материальных благ, даже когда у такой потери было правовое основание. Впервые во французском праве это произошло в решении Кассационного суда Франции по делу Будье, в котором суд рассматривал трехстороннюю проблемную ситуацию, возникшую в результате продажи истцом удобрений арендатору ответчика. Когда пришло время оплатить поставку удобрений, покупатель (он же арендатор. — *Прим. пер.*) уже был признан банкротом, а выращенный на удобрениях урожай оставлен собственнику земельного участка. Истец Будье предъявил иск из обогащения к собственнику земельного участка. Хотя в данном случае отсутствует прямое обязательство между сторонами спора, а обогащение ответчика возникло в результате действительного договора поставки между истцом и покупателем (арендатором. — *Прим. пер.*) и действительной передачи урожая от арендатора ответчику (в счет арендной платы. — *Прим. пер.*). В такой ситуации предусмотренный Кодексом иск из неосновательного обогащения (*condictio*) использован быть не мог. Однако суд удовлетворил иск из несправедливого обогащения (*versio*-иск). В кратком изложении позиции суда сказано: поскольку версионный иск (*actio de in rem verso*) не кодифицирован, но берет свое

³⁰ См.: Cassation civ., 15 June 1892, [1892] Jurisprudence générale Dalloz, I, 596.

* В настоящее время в ходе реформы ГК Франции версионные иски нашли прямое выражение в Кодексе. Новеллы вступили в силу в 2016 г. — *Прим. пер.*

начало и выводится из принципа справедливости (*principe d'équité*), запрещающего обогащение за счет третьего лица, то для его предъявления не требуется соблюдения каких-либо специальных условий. Истцу достаточно доказать, что материальная выгода у ответчика возникла за счет истца посредством утраты последним своего имущества либо из-за действий третьих лиц.

Стоит отметить, что после дела Бурдь французские суды существенно скорректировали свой подход к этому виду иска. Сфера его применения была сужена за счет придания большего значения основанию передачи имущества (каузы) и снижения значимости принципа справедливости при распределении благ³¹. Несмотря на это, в судебной казуистике встречается прямая ссылка на принцип справедливости, которая, строго говоря, несовместима с рассуждениями об отсутствии основания для передачи³².

Пятьдесят лет спустя выработанный французской судебной практикой тип иска был включен разработчиками ГК Италии в новый Гражданский кодекс (ст. 2041 и 2042). В соответствии с п. 1 ст. 2041 ГК Италии «лицо, которое обогатилось за счет другого лица в отсутствие правового основания (каузы), должно компенсировать такому лицу его соответствующие финансовые потери в пределах такого обогащения»³³. В ст. 2042 ГК Италии заимствован и другой элемент, который был выработан французской судебной практикой, — субсидиарность: иск может быть удовлетворен судом только в том случае, если у истца нет права на какой-либо иной иск для компенсации своих потерь³⁴. В приведенном переводе ст. 2041 ГК Италии используется оборот «обогащение в отсутствие правового основания» (каузы), в то время как оригинальный текст на итальянском содержит фразу «в отсутствие надлежащего правового основания («каузы»)» (*senza giusta causa*). Разница между этими формулировками весьма важна³⁵. Данная проблема находит свое отражение в предмете иска, являющегося своего рода «компенсацией» (*indemnity*), размер которой представляет собой нечто среднее между размером фактического ущерба пострадавшего и размером обогащения ответчика (до тех пор, пока такое обогащение есть). Подобный подход был бы несовместим с реституционным требованием, основанным на кондикции, которая, к слову, не позволяет ответчику

³¹ См. ниже анализ дела *l'affaire du Verrou* (прим. 113).

³² Б. Николас подчеркивает важность условия об отсутствии каузы даже для исков о несправедливом обогащении (как в деле Бурдь). Французские суды ввели такое условие, что тем не менее не противоречит возможной оценке ситуации с точки зрения принципа справедливости (см. выше прим. 2. Р. 624–33). Основной же вопрос заключается в том, является ли отсутствие каузы существенным элементом этого иска или необходимость в нем объясняется отсутствием отдельного иска, основанного на праве справедливости, что, представляется, также согласуется с выделением двух оснований у института обогащения.

³³ Перевод на английский выполнен М. Beltramo, G. Longo и J.H. Merryman. *The Italian Civil Code* (New York, 1969).

³⁴ См.: В. Nicholas, «Unjust Enrichment and Subsidiarity» в *Study in memoria di Gino Gorla*, vol. 3 (Milano, 1994) 2037–45.

³⁵ Б. Николас, ссылаясь на наличие каузы в деле Бурдь, отмечает: «Очевидно, что кауза здесь используется не в том смысле, который в нее вкладывают немцы» (см. выше прим. 2. Р. 624–8, особенно 627). Действительно, немецкому праву прежде всего известна кондикционная модель (*condictio-model*), в то время как генеральный иск об обогащении основан на модели об истребовании неоправданно полученного (*versio-model*).

использовать защитный механизм изменения положения, позволяющий ограничить свою ответственность только рамками реального обогащения.

В Италии, как и во Франции, применение версионного иска вызывает у судов сомнения из-за неопределенности его границ. Поэтому они избегают чрезмерного увеличения сферы его действия, указывая на необходимость наличия единого основания, которое бы связывало утрату имущества одним лицом и обогащение за этот счет другого лица³⁶. Но все же попытки связать обогащение с определенным основанием неуместны, поскольку иск из несправедливого обогащения (*actio de in rem verso*) требует объяснения с точки зрения категории справедливости, или, используя терминологию дела Будье, — принципа справедливости (*principe d'equite*).

6. Обогащение в английском праве

Сравнительный анализ, приведенный выше, продемонстрировал, что реституционный механизм, основанный лишь на одном кондикционном подходе, не является полноценным. Рано или поздно механизм обогащения дополнится вторым элементом, основанным на категории справедливости, что необходимо для сохранения баланса всей структуры. Исходя из информации, приведенной во вступительных и сравнительно-правовых разделах, ниже будет дана оценка тому, может ли теоретический анализ иска из несправедливого обогащения и кондикционного иска внести вклад в академическую полемику о систематизации права обогащения в английском праве.

Безусловных доказательств того, что английское право признает вышеуказанный двойственный подход, нет. Тем не менее представляется, что английское право предпочитало кондикционную модель до того, как правовой ландшафт был изменен делом *Lipkin Gorman v. Karpnale*³⁷. В нем было признано существование принципа неосновательного обогащения в английском праве как отдельного института, независимого от договорного и деликтного права.

А. Кондикционная модель

Чтобы определить, существует ли в английском праве такая же реституционная модель, как в немецкой, французской и итальянской правовых системах, следует отыскать судебное решение, применяющее структуру реституционных отношений, совместимую хотя бы с одним из видов требований, выделенных в континентальном праве. Чтобы быть «неосновательным», обогащение не должно иметь действительного правового основания, такого как, например, договор. Если суд удовлетворил реституционные требования о возврате имущества, заявленные из-за недействительности основания исполнения, и при этом не учитывал принцип справедливости распределения благ, а также то, причинен ли истцу ущерб, обогатился ли ответчик, — перед нами кондикционная модель иска из обогащения.

³⁶ См.: Cassazione, 02.02.1963, № 183 [1963], Foro padano, I, 1070.

³⁷ См.: *Lipkin Gorman v. Karpnale* [1991] 2 AC 548. Данное решение было первым, признавшим общий принцип несправедливого обогащения. См.: P. Birks, *The English Recognition of Unjust Enrichment* [1991]. *LMCLQ* 473–507.

В деле *Jones v. Waring & Gillow*³⁸ некий мошенник Боденхэм оплатил свой долг чеком, который принадлежал истцу. При этом чек был выписан не на самого Боденхэма, а на ответчиков. Соответственно, когда ответчики обналичили чек, деньги были переведены им из банка истца от его имени. Чек был возвращен банку. Таким образом, истец как бы напрямую произвел платеж в пользу ответчиков, несмотря на отсутствие обязательственных отношений между ними. Рассматривая требование истца о возврате денег, судьи Палаты лордов сочли, что деньги были перечислены ошибочно, Боденхэм был как бы курьером, а потому иск носит реституционный характер и подлежит удовлетворению.

В этом деле единственным основанием для платежа была признана ошибка в факте: истец не должен был передавать чек Боденхэму. Следовательно, истец может взыскать с ответчиков обналиченную ими сумму. Используя другую терминологию, можно сказать, что у исполнения отсутствовало надлежащее основание, ввиду чего плательщик вправе аннулировать данную операцию и потребовать возврата ошибочно уплаченных денег. Это и есть кондикция. Особенно важно, что в данном деле большинство судей проигнорировали проблему обогащения ответчика. В Палате лордов были судьи, которые возражали против удовлетворения иска³⁹. Они в принципе допускали возврат платежа, совершенного по ошибке, но отказывались применять этот подход в этом деле, так как посчитали, что «товар» (т.е. чек) потерял ценность из-за действий мошенника. Из решений, вынесенных этими лордами-судьями, следовало, что возложение на добросовестного ответчика обязанности вернуть всю сумму, которая могла у него и не сохраниться, противоречило бы принципу справедливости (хотя это слово они не использовали).

Это мнение основано на доктрине эстоппеля. Однако соображения справедливости большинством судей не были приняты во внимание — они не нашли причин для того, чтобы перенести на истца изменения в имущественной сфере ответчика⁴⁰. Действительно, причин для этого не было, если считать, что в данном случае речь шла об удовлетворении кондикционного иска (иска из неосновательного обогащения). Напротив, если бы это был иск из несправедливого обогащения (версионный иск), суд должен был учесть положение обеих сторон. Таким образом, в деле *Jones v. Waring & Gillow* было удовлетворено кондикционное требование, а концепция иска из несправедливого обогащения достаточно явно была отвергнута, хотя вряд ли это было сделано осознанно.

Решенное ближе к нашим дням дело *Barber v. NWS Bank*⁴¹ явилось примером того, что материальный ущерб может не иметь значения для некоторых реституционных исков. В нем истец, купивший автомобиль в рассрочку, пользовался им полтора года, пока не выяснилось, что собственником автомобиля был не продавец, а другая компания, контролируемая тем же лицом, которое заключило с истцом договор купли-продажи автомобиля. Из-за финансовых проблем истец воспользовался случаем и расторг договор с продавцом. Вопрос, важный для нас, заключался

³⁸ См.: *Re Jones v. Waring & Gillow* [1926] AC 670.

³⁹ См.: виконт Cave LC и лорд Atkinson (*Ibid.* P. 670 и 675 соответственно).

⁴⁰ *Ibid.* P. 701 (лорд Carson).

⁴¹ См.: *Barber v. NWS Bank* [1996] 1 All ER 906 (CA).

в том, вправе ли истец требовать возврата всей суммы, уплаченной им до момента расторжения договора, или все-таки должно быть учтено, что истец использовал автомобиль на протяжении 18 месяцев. Суд вернул истцу всю сумму. В итоге суд не только проигнорировал то, что в результате реституции истец оказался в положении лучше, нежели если бы он сделку и не заключал, но и отказался учесть доводы ответчика о возможном снижении размера полученного им обогащения в связи с амортизацией автомобиля⁴². Таким образом, предметом иска было исключительно взыскание того, что было исполнено истцом.

Представляется, что наличие кондикционной модели в английском праве обогащения косвенно было подтверждено в недавнем решении Апелляционного суда. В деле *Portman Building Society v. Hamlyn Taylor Neck*⁴³ истец был залогодержателем. В результате нарушения залогодателем обязательства по оплате дом был продан за сумму гораздо меньшую, чем размер просроченного обеспеченного долга. Истец попытался взыскать сумму займа, которую он выдал залогодателю, со своих юридических консультантов по сделке, получивших денежные средства от истца для последующей передачи юридическим консультантам продавца. В качестве обоснования истец использовал аргумент о том, что деньги он передал в результате ошибки — на том условии, что приобретаемая недвижимость будет использоваться только для целей проживания. Однако недвижимость использовалась и в коммерческих целях, так как у залогодателя была небольшая гостиница и ответчики знали об этом. Следовательно, допущенная истцом ошибка также вызвана действиями ответчиков, ввиду чего связывающие истца и ответчиков представительские отношения могут быть разорваны. Данный довод был отвергнут судом: безусловно, полномочия агентов могли быть прекращены, но этого не было сделано, а значит, они действительны. Действительность полномочий агентов препятствовала удовлетворению какого-либо иска об обогащении, который мог бы быть удовлетворен, если бы истец реализовал свое право на аннулирование полномочий агентов до того, как деньги были переданы залогодателю получателем платежа. Лорд-судья Миллетт указывает: «Обязательство произвести реституцию является следствием недействительности сделки, по которой были переданы деньги, и оно не может быть связано с ошибкой, вызванной введением в заблуждение и предоставлением неверной информации, побудившей к заключению сделки»⁴⁴.

Для обоснования этой позиции лорд-судья Миллетт ссылается на одно из предыдущих решений⁴⁵, в котором при рассмотрении вопроса о введении в заблуждение он подчеркивал, что данное обстоятельство делает сделку оспоримой, а не ничтожной. Таким образом, агентские отношения существуют до тех пор, пока их не прекратит представляемый. Требование о реституции не подлежит удовлетворению, поскольку между сторонами существует законное основание, по которому состоялся переход благ. Такая аргументация свидетельствует о том, что в деле *Portman* суд также использует кондикционную модель. Более ясно это выражено в следующей цитате: «Основания для предъявления иска о возврате переданных денег будут

⁴² Ibid. P. 912 (сэр Roger Parker).

⁴³ См.: *Portman Building Society v. Hamlyn Taylor Neck* [1998] 4 All ER 202 (CA).

⁴⁴ Ibid. P. 208 (лорд-судья Millett).

⁴⁵ См.: *Bristol and West Building Society v. Mothew* [1998] Ch. 1 (CA) 22 (лорд-судья Millett).

существовать с того момента, как ответчик получит деньги истца. За исключением крайне редких случаев, не является обоснованным аргумент для отказа в удовлетворении требования, что ответчик потратил деньги»⁴⁶.

Согласно позиции лорда-судьи Миллетта, имущественное положение получателя средств не имеет никакого значения для определения размера реституции. В большинстве ситуаций такой размер должен определяться только исходя из ценности совершенного предоставления.

В. Противоречивые предпосылки

Определенные сомнения в исключительной роли кондикционной модели возникают в связи с тем, что в деле *Portman* судья связал реституционные требования с выяснением следующих вопросов: 1) обогатился ли ответчик; 2) если да, то является ли такое обогащение несправедливым; 3) обогатился ли он за счет истца?⁴⁷

Если иск о реституции опирается исключительно на недействительность сделки, сомнительно, что эти вопросы имеют отношение к определению такой недействительности. Если недействительность сделки сама по себе приводит к решению дела положительным образом, то, как показывает дело *Barber*, вопросы, относящиеся к обогащению одной стороны и уменьшению имущества у другой, не имеют значения. Дальнейшие рассуждения лорда-судьи Миллетта, судя по всему, подкрепляют такую логику. Поднимая три перечисленных вопроса, суд имеет в виду рассмотрение обстоятельств дела через призму версионного иска. В соответствии с этой моделью несправедливость при передаче некой ценности является основанием иска. Если бы суд решил дело *Portman*, базируясь на ответах на эти три вопроса, аргументация должна была быть несколько иной. Требование должно было быть удовлетворено из-за «фактора несправедливости» — ошибки в факте. Кроме того, было бы принято во внимание и возражение об изменении положения ответчика, передавшего деньги третьему лицу. Соответственно, решение дела на основании теста лорда-судьи Миллетта из трех вопросов дало бы другой результат, нежели решение дела на основании вопроса обоснования платежа; это и стало причиной отказа залогодержателю в иске, как говорил лорд-судья.

Другой любопытный пример взаимодействия различных подходов к реституции прослеживается в позиции судьи по делу *Banque Belge pour l'Etranger v. Hambrouck*⁴⁸. В нем лорд-судья Бэнкс рассматривал следующий случай: вор украл деньги и, боясь задержания, дал эти деньги проходящему нищему. Судья не признал, что вор передал нищему неоспоримое право собственности (т.е. право собственности, свободное от требований третьих лиц. — *Прим. пер.*). Лорд-судья Бэнкс описал ситуацию, которую страны континентальной системы права, скорее, будут решать с помощью современного *actio de in rem verso*. Хотя даже юристы стран континентальной

⁴⁶ См. выше прим. 43, р. 207 (лорд-судья Millett).

⁴⁷ Ibid. P. 206.

⁴⁸ См.: *Banque Belge pour l'Etranger v. Hambrouck* [1921] 1 KB 321 (CA) 327.

семьи права не всегда понимают, что природа указанного иска лежит в справедливости; соответствующие нормы зачастую скрыты среди иных норм, регулирующих *conditiones*, что и показал анализ § 816 (1) ГГУ и ст. 2038 ГК Италии. Обсуждение проблемы с точки зрения версионного иска также имеет преимущества с точки зрения простоты и прямоты. В действительности с точки зрения этого иска ответ на вопрос передачи воров неоспоримого права собственности не имеет особого значения, потому как действительность каузы, или, другими словами, обоснованность, не входит в число предпосылок исков по модели *versio*.

Основной довод из дела *Banque Belge* был воспринят при решении дела *Lipkin Gorman*⁴⁹. Используя тот же самый пример с воров, лорд Темплемен сказал: «Истец должен доказать, что принадлежащие ему деньги были уплачены воров ответчику и что ответчик несправедливо обогатился и оставался таковым»⁵⁰.

Лорд Темплемен следующим образом описал структуру *actio de in rem verso*: а) наличие трехстороннего отношения; б) добросовестность/недобросовестность получателя; в) изменение положения ответчика. Эта структура аналогична структуре иска, вытекающего из вопросов лорда-судьи Миллетта в деле *Portman*⁵¹.

Неясность классификаций — одна из причин неопределенности английского института обогащения. В речи лорда Хоупа⁵² по делу *Kleinwort Benson v. Lincoln City Council*⁵³ эта неясность названа отличительным признаком английского права обогащения. В волне судебных споров о свопах, берущей начало с дела *Hazell v. Hammersmith and Fulham London Borough Council*⁵⁴, Палата лордов должна была решить, может ли ошибка в праве, повлекшая уплату недолжного, быть использована как «фактор несправедливости» для того, чтобы удовлетворить требование о реституции. Говоря о «принципе несправедливого обогащения», лорд Хоуп отметил: «Этот принцип заключается в том, что несправедливым считается удержание блага, полученного одним лицом за счет того, кто не намеревался передавать это благо, и в отсутствие правового основания для удержания»⁵⁵.

Высказывание относится к вопросу об ошибке, который обсуждался в этом деле. В других частях решения лорд Хоуп указал, что событие, которое дает право на иск, — это несправедливость, заключающаяся в необоснованном получении блага. Однако с точки зрения права отсутствие основания не всегда связано с нечестной или несправедливой передачей некой ценности. Передача может быть юридически действительна, но несправедлива, или юридически недействительна, но спра-

⁴⁹ *Lipkin Gorman* (см. выше прим. 37).

⁵⁰ *Ibid.* P. 560 (лорд Templeman).

⁵¹ См.: *Portman* (см. выше прим. 43). P. 206.

⁵² См.: S. Meier и R. Zimmermann «Judicial Development of the Law, Error Iuris, and Law of Unjustified Enrichment — a View from Germany» (1991) 115 *LQR* 556-65, 565.

⁵³ См.: *Kleinwort Benson v. Lincoln CC* [1999] 2 AC 349 (HL).

⁵⁴ См.: *Hazell v. Hammersmith and Fulham London BC* [1992] AC 1 (CA).

⁵⁵ *Kleinwort Benson v. Lincoln* (см. выше прим. 53). P. 408 (лорд Hope).

ведлива. Идея безосновательного получения ценности и идея несправедливости не всегда пересекаются. Таким образом, вопрос заключается в том, рассматривал ли лорд-судья, которому была известна формулировка иска, принятого правовыми системами других европейских государств, в качестве ключевого компонента иска несправедливость либо же отсутствие основания. Его взгляды могут быть обнаружены в следующей фразе: «...цель указанного принципа — дать средство правовой защиты для взыскания обогащения, когда отсутствуют правовые основания, обосновывающие удержание ценности»⁵⁶.

Таким образом, главная предпосылка указанного иска — отсутствие правового основания, а не несправедливость как таковая. Лорд Хоуп описывает модель иска, которая чрезвычайно похожа на кондикцию. Использование терминологии, которая воскрешает в памяти принцип справедливости из французского дела Будье, как показал сравнительно-правовой анализ, маскирует гораздо более формальный кондикционный подход⁵⁷.

С. Модель *actio in rem verso*: изменение положения ответчика и переложение рисков

Не каждое требование о реституции направлено на изъятие у ответчика материальной ценности. Некоторые иски затрагивают ситуацию, когда у ответчика истребуется лишь часть ценности. Есть как минимум два возражения, которые дают основания предположить, что предметом английского иска о реституции не всегда является переданное ответчику имущество. Иногда суд присудит истцу денежные средства, размер которых будет определен на основе общих правовых принципов. Такими возражениями являются «изменение положения ответчика» (*change of position*) и «перераспределение рисков» (*passing on*).

(i) Изменение положения ответчика

Возражение об изменении положения ответчика введено в английское право лордом Гоффом в деле *Lipkin Gorman*⁵⁸. Это возражение было смоделировано по образцу § 818 (3) ГГУ, в соответствии с которым обязательство о реституции исключается в той мере, в какой ответчик более не считается обогатившимся. Немецкая судебная практика уточняет, что сослаться на § 818 (3) ГГУ может лишь тот ответчик, который добросовестно получил вещь. Аналогично этому английское возражение об изменении положения ответчика требует, чтобы последний (как получатель некой ценности. — *Прим. пер.*) был добросовестным.

Условия защиты ответчика в данном случае несовместимы с чистой моделью кондикционного иска. Во-первых, возможность сужения предмета иска означает, что

⁵⁶ Ibid. P. 409 (лорд Нопе).

⁵⁷ Ср. Meier и Zimmermann (см. выше прим. 52). P. 565.

⁵⁸ См.: *Lipkin Gorman* (см. выше прим. 37). P. 577–83.

предметом иска не всегда является то, что было предметом исполнения. Возражение изменяет содержание предмета, а значит, сам иск. Во-вторых, факт недобросовестности препятствует применению возражения, а потому необходимо исследовать положение сторон, так что недействительность основания сама по себе не становится причиной реституции. С другой стороны, возражение вполне может быть применено в рамках *actio de in rem verso*, который рассматривается на основании менее формальных критериев.

Недавно Л. Смит опубликовал любопытный анализ применения возражения об изменении положения ответчика в рамках обширной работы по изучению взаимосвязи передачи ценности и требования о реституции⁵⁹. Свои рассуждения он подкрепляет ссылками на авторитетные немецкие источники. Но все же немецкий институт неосновательного обогащения развивается по особому пути. Немецкое право безуспешно пыталось избавиться от иска по модели *versio* из института неосновательного обогащения, однако в английском праве дело обстоит не так. Смит не проводит различий между двумя разными требованиями о реституции, каждое из которых входит в институт неосновательного обогащения. Поэтому он испытывает трудности при объяснении некоторых дел, в которых нет прямой связи между сторонами реституции в том плане, что истец ничего не передавал ответчику напрямую или у ответчика есть действительное основание для удержания блага, полученного от третьего лица, возврата которого сейчас добивается «потерпевший». Затруднения Смита хорошо видны в следующей фразе: «...строгая ответственность (т.е. ответственность без вины. — *Прим. пер.*), базирующаяся на получении ценности получателем, не являющимся стороной отношений с истцом, структурно похожа на ответственность за правонарушение в том, что отсутствует связь между истцом и ответчиком при передаче ценности. Однако в ней нет элемента правонарушения, наличие которого необходимо для обоснования ответственности в соответствии с принципами корректирующей справедливости»⁶⁰. Это действительно было бы так для исков, подобных *condictio*. Однако требование, смоделированное на основе *actio de in rem verso*, сохранило бы свою целостность как способ реституционной защиты даже в отсутствие прямой связи между истцом и ответчиком. Было бы достаточно наличия косвенной связи, как в деле Будье.

(ii) Перераспределение рисков

Второй аргумент в пользу существования в английском праве исков по модели *versio* можно сформулировать на основании того, что иногда истец вправе переложить риски убытков на третье лицо. Для кондикционной модели не имеет значения, уменьшены ли активы истца⁶¹. Для сравнения: иск по модели *versio* должен учитывать, что произошло с активами обеих спорящих сторон, следовательно, решение будет более сбалансированным.

⁵⁹ См.: Smith (см. выше прим. 13).

⁶⁰ Ibid. P. 2169.

⁶¹ Пример дела о соотношении переложения рисков с *condictio*, в котором итальянский суд не придал значения тому, что истец утратил имущество: Cassazione, 7 April 1986, № 2415 [1986] Foro italiano, I. 2187 (излишняя уплата налога).

В деле *Kleinwort Benson v. Birmingham City Council*⁶² (еще один спор о свопе) ответчик пытался избежать реституции, заявляя в свою защиту, что истец уже восстановил свое право путем заключения соглашений о хеджировании, т.е. он не понес те убытки, на компенсацию которых направлено его требование о реституции. Суд отклонил его возражение по двум причинам. Первая: вред не является необходимым условием этого иска. Вторая: наличие соглашений о хеджировании не касается иска в силу его отдаленности⁶³. Позиция суда породила дискуссию. С одной стороны, Комиссия по совершенствованию права Англии и Уэльса⁶⁴ рекомендовала использовать это возражение в спорах о переплате налогов. Такая точка зрения была поддержана в Финансовом акте 1997 г., в котором прямо поименовано право казны на возражение о переложении истцом рисков на другое лицо против иска о возврате излишне уплаченного налога⁶⁵. С другой стороны, отдельные ученые⁶⁶, соглашаясь с тем, что указанный подход хорош с теоретической точки зрения, отказывают ему в практической применимости, ибо точная оценка убытков невозможна, а факты переложения рисков являются зачастую слишком отдаленными и потому не могут служить основанием для возражения. Этот аргумент совпадает с подходом суда в деле *Kleinwort Benson*.

Мнение суда и ученых о том, что возражение о переложении рисков должно быть отклонено, основывается главным образом на политико-правовых аргументах. Например, аргумент об отдаленности используется для того, чтобы не учитывать доходы, которые, по мнению ответчиков, перекрывают потери. Действительно, во многих случаях бывает трудно определить, изменилось ли положение истца в связи с переводом убытков на третье лицо. Хотя это во многом вопрос доказывания⁶⁷. Более того, когда суды указывают, что благо, которое должно компенсировать убытки, является чрезмерно отдаленным, они тем самым отклоняют возражение, опираясь на представление о справедливости. Справедливость должна действовать в отношении всех спорящих сторон.

При отклонении этого возражения суды используют аргументы, похожие на обоснования в исках по модели *versio*. Такой подход не лишен недостатков, ибо откло-

⁶² См.: *Kleinwort Benson v. Birmingham CC* [1996] 4 A11 ER 733 (CA).

⁶³ Ibid. P. 741 (лорд-судья Evans).

⁶⁴ См.: Law Commission, *Restitution: Mistakes of law and Ultra Vires Public Authority Receipts and Payments*, Report № 227 (1994), § 10.46 и 10.47, а также рекомендации № 20 и 21.

В Великобритании 50 лет назад была создана Комиссия по совершенствованию права Англии и Уэльса (*Law Commission of England and Wales*), в которую были приглашены ведущие университетские ученые, а также представители судебной системы и адвокатуры. Их задача заключалась в том, чтобы исследовать все отрасли правоприменения, выявлять проблемы и предлагать правительству и парламенту меры по их разрешению. Эта организация не является правительственной, независима, и ее цель — создавать позитивное право справедливым, современным, простым и как можно более эффективным. — *Прим. пер.*

⁶⁵ Ср. Value Added Tax Act 1994. P. 80 (3) с дополнениями, внесенными Finance Act 1997. P. 46.

⁶⁶ См.: М. McInnes «Passing on» in the Law of Restitution: A Re-Consideration» (1997) 19 *Sydney L Rev* 179–210, особенно 199–203.

⁶⁷ Лорд-судья Evans справедливо заметил в *Kleinwort Benson v. Birmingham* (см. выше прим. 62). P. 743: «Я бы сказал, что *в настоящем деле* (курсив Ф. Жилио. — *Прим. пер.*) не прослеживается оснований для применения возражения о переложении рисков».

нение возражения подкрепляет кондикционную составляющую иска о возврате обогащения: если возражение не имеет значения, то и наличие потерь не является предпосылкой иска, чего, собственно, и требует модель *condictio*. Отсюда возможные расхождения между тем, что говорится, и истинной природой иска. Подобные расхождения и объясняют тот факт, почему это возражение так трудно применить.

Фактически до того момента, пока это возражение не начинает рассматриваться в контексте двух составляющих неосновательного обогащения, оно представляется достаточно неопределенным. Смит, выделяющий лишь один иск для ситуаций неосновательного/несправедливого обогащения, не может объяснить переложение рисков в свете своей теории. Он отмечает: «...представляется, что обычная логика института неосновательного обогащения делает невозможной ссылку на возражение о переложении рисков. Появление этого возражения в контексте публичного права может быть объяснено исключительно тем, что затрагиваемые публичным правом дела не следуют обычной логике»⁶⁸. Рассмотрение этого возражения с точки зрения двух основ института неосновательного обогащения дает ответ о его месте.

D. Типы обогащения

Важное сравнительно-правовое исследование немецкого и английского права обогащения по этому вопросу провел Г. Даннеманн⁶⁹. Его основная идея сводится к следующему: в деле *Moses v. Macferlan*⁷⁰ судья Мэнсфилд выделил два типа ситуаций, относящихся к неосновательному обогащению. Первый тип именуется негативным, в него включены случаи, когда обогащение имеется, однако не может взыскиваться в судебном порядке: например, требование уплаты долга, исковая давность по которому прошла. Второй называется позитивным, в него включены случаи, когда обогащение имеется и может взыскиваться в судебном порядке: такие как, возврат переданного по ошибке, случаи отпадения основания или применения насилия.

В то время как первоначальное правило, сформулированное судьей Мэнсфилдом, было основано на принципах равенства и справедливости, последующее развитие английского права демонстрирует отход от реституции, основанной на принципах добра и справедливости (*ex aequo et bono*), в пользу введения общего правила.

Английское общее правило основано на позитивном типе ситуаций и сводится к следующему: «...реституция невозможна, если требование не подпадает под один из типов ситуаций позитивного списка»⁷¹. Немецкое общее правило воспринимает подход «ситуаций негативного типа», согласно которому «обогащение является скорее неосновательным, нежели несправедливым... если только нет специфической юридической причины, почему оно (несправедливое обога-

⁶⁸ Smith (см. выше прим. 13). P. 2155.

⁶⁹ См.: Dannemann (см. выше прим. 2).

⁷⁰ См.: *Moses v. Macferlan* (1760) 2 Burr 1005.

⁷¹ Dannemann (см. выше прим. 2). P. 1839.

шение. — *Прим. пер.*) должно быть удержано»⁷². Как немецкая, так и английская система, попав под критику ученых и многообразие жизненных ситуаций, показывающих несправедливость некоторых решений, уменьшили значимость своих общих правил. В Германии это было сделано главным образом посредством систематизации, а в Англии — через политико-правовую интерпретацию.

Даннеманн признает разницу между «неосновательным» и «несправедливым» обогащением, которую он связывает с ролью правового основания при передаче вещей. Однако, по его мнению, понятие «правовое основание» не играет той же центральной роли, как в теории двух оснований института обогащения. Вследствие этого смещения концептуальных акцентов в его интерпретации два вида обогащения пересекаются лишь частично. Основной пункт различий состоит в определении общих принципов, составляющих реституционные требования. Даннеманн считает, что есть только одно правило в немецком праве и одно, отличное от него, правило в праве английском, в то время как в настоящем исследовании утверждается, что имеются два основных принципа, на которых основываются два разных реституционных требования, и на основе этих принципов можно выделить схожие конструкции в двух правовых системах, о которых идет речь. Кроме того, Даннеманн утверждает, что «всё немецкое право неосновательного обогащения зиждется на понятии правового основания»⁷³. Однако, как было показано выше, не все иски из обогащения в немецком праве, которые относятся к институту неосновательного обогащения, на самом деле ими являются (хотя и многие). Еще одним элементом конфликта между позицией Даннеманна и двухкомпонентным подходом является довольно общее утверждение, согласно которому соображения справедливости, определяемые Даннеманном как «самое важное правило в деле *Moses v. Macferlan*»⁷⁴, с развитием судебной практики постепенно теряют силу, уступая принятию позитивных типов ситуаций, допускающих возмещение. По мнению Даннеманна, английская правовая система отказалась от подхода, основанного на принципе справедливости, в пользу более формального. Однако правовые системы, которые выбирают только одну модель обогащения, основанную на строго формальном принципе (например, модель кондикции), не могут справиться с ситуациями, которые требуют более гибких средств защиты.

Действительно, Даннеманн признает, что «говорить об отсутствии соображений справедливости в праве неосновательного обогащения, которое сейчас сложилось в Англии и Германии, было бы преувеличением»⁷⁵. Тем самым, он косвенно соглашается с тем, что положения о неосновательном обогащении в формальном кондикционном смысле не полностью охватывают этот институт. Он подкрепляет свою точку зрения, отмечая, что в целом в Европе все чаще признают политико-правовые доводы в качестве действенного инструмента для достижения справедливости⁷⁶. Это утверждение совпадает с функцией, выполняемой иском по модели

⁷² Ibid. P. 1840.

⁷³ Ibid. P. 1849.

⁷⁴ Ibid. P. 1840.

⁷⁵ Ibid. P. 1841.

⁷⁶ Ibid. P. 1848.

versio, и подтверждает, что взятая отдельно кондикционная модель создаст «хромающее», неполноценное право обогащения. С другой стороны, Даннеманн определяет случаи, в которых решения по английскому праву очень напоминают реституцию исполненного в германском праве⁷⁷. Как было показано выше, это требование в немецком праве является современной версией старого понятия *condictio*. И поэтому Даннеманн признает, что по крайней мере в некоторых областях английское право применяет кондикционную модель.

Е. Последние теоретические разработки

Прежде чем перейти к выводам, следует упомянуть некоторые значимые выступления на конференции, где право обогащения было рассмотрено в компаративистском ключе. Эта конференция⁷⁸ может стать поворотным моментом в развитии доктрины английского права обогащения.

Одной из главных тем конференции стало противопоставление немецкого подхода, базирующегося на кондикционной модели, английскому, который традиционно требует присутствия «признака несправедливости» для возмещения: «...в английском праве... платеж подлежит возврату, если основание для его возврата может быть обосновано истцом»⁷⁹. В английском праве истец должен доказать «признак несправедливости». Результаты конференции показывают, что, несмотря на существенные различия, которые всё еще есть в структуре обогащения в немецком и английском правопорядках, конкретные результаты отличаются меньше, чем можно предположить исходя из теоретических построений⁸⁰.

Хорошим примером для сравнения будет возмещение в случае ошибки платежа или передачи. Ошибка в факте⁸¹, а теперь даже ошибка в праве⁸² является «признаком несправедливости». В своем исследовании С. Мейер применяет своеобразный правовой анализ⁸³ доктрины ошибки. Во-первых, она доказывает, что понятие правового основания подразумевается в любом успешном требовании из обогащения, когда потерпевший совершил исполнение, ошибочно предполагая о наличии у него обязанности по оплате⁸⁴. Из этого положения ученый делает вывод, что исполнимые в судебном порядке обязательства являются правовыми основаниями, а само существование обязательства упреждает требование из обогащения, осно-

⁷⁷ Ibid. P. 1847.

⁷⁸ См.: Johnston и Zimmermann (eds), *Unjustified Enrichment* (см. выше прим. 3).

⁷⁹ Ibid. P. 3–33, 5.

⁸⁰ «Залив сужается» (Ibid. P. 29).

⁸¹ См.: *Kelly v. Solari* (1841) 9 M&W 54.

⁸² См.: *Kleinwort Benson v. Lincoln CC* (см. выше прим. 53).

⁸³ См.: S. Meier, «Unjust factors and legal grounds» в *Unjustified Enrichment* (см. выше прим. 3). P. 37–75, 48.

⁸⁴ Ibid.

ванного на ошибке. Через то, что она называет «анализ правового основания», автор приходит и к другому примеру требования из неосновательного обогащения (*condictio-claim*): право возвратить то, что было исполнено вследствие требований государственных органов с превышением ими полномочий⁸⁵, — вопрос, подробно разработанный в деле *Woolwich Building Society v. IRC*⁸⁶. Кроме того, «анализ правового основания» используется С. Мейер, чтобы выявить те порочные договоры, которые в английском праве служат основанием для иска из обогащения. Такой анализ позволил выделить «некоторые типы порочных договоров, которые могут обеспечить правовую основу для предоставления, после того как заключены согласно всем необходимым формальностям»⁸⁷.

Статья Т. Кребса берет начало из анализа правового основания, проведенного С. Мейер. В результате тщательного изучения дел по свопам Кребс устанавливает новое правило в английском праве, согласно которому «когда оплата производится на основании ничтожной сделки, возможна реституция»⁸⁸. Он признает, что это правило хорошо подходит любой гражданско-правовой системе, применяющей кондикционный подход.

Объяснения Мейер и Кребса убедительны. Их результаты коррелируют с анализом, предпринятым в настоящей статье. Однако любой подход, построенный на немецком праве неосновательного обогащения, должен учитывать и те случаи перехода имущества, которые не являются следствием исполнения без правового основания, а потому *condictio*, основанная на предоставлении, в данном случае не применяется. Кребс отмечает, что «обращение к реституции в связи с отсутствием... «правового основания» вызывает путаницу... Возникнут проблемы, когда обогащение основано не на исполнении, но получено «иным способом», как, например, сказано в § 812 (1) ГГУ»⁸⁹. И если принимать за основу немецкий подход, то приходится считаться с *Nichtleistungskondiktion*, или кондикционным подходом, основанным на неисполнении.

Как показано выше, *Nichtleistungskondiktion* является способом защиты, изобретенным немецкой правовой наукой. Чтобы избежать введения особого иска, немецкий законодатель расширил категорию кондикции, отказавшись от подхода римского права, применяющегося, между прочим, во Франции и Италии. Такое развитие событий принесло немало проблем немецкому праву и, в отличие от мнения Кребса⁹⁰, не должно быть принято в английском праве.

Более приемлемое решение предложено П. Бирксом. Он анализирует роль иска по модели *versio* в английской системе. Его статья настолько связана с настоящим исследованием, что заслуживает отдельного рассмотрения.

⁸⁵ Ibid. P. 62–5.

⁸⁶ См.: *Woolwich Equitable Building Society v. IRC* [1993] AC 70 (HL).

⁸⁷ Meier (см. выше прим. 83). P. 72.

⁸⁸ T. Krebs, «In defence of unjust factors» (см. выше прим. 18). P. 99–100.

⁸⁹ Ibid. P. 91.

⁹⁰ Ibid. P. 92.

F. Косвенное обогащение и иск по модели *versio*

П. Биркс предлагает модель возмещения при косвенном обогащении, основанную на иске по модели *versio*. Его аргументация основана на двух основных положениях. Первое сводится к тому, что «основание для возврата косвенного обогащения... живет, как паразит, на основании для возврата обогащения от того, кто получил его непосредственно от истца»⁹¹. Это означает, что иск по модели *versio* отклоняется, если у истца нет оснований требовать возврата имущества от того, кому оно было передано изначально. Такая ситуация возникает, например, когда он не мог предъявить иск к непосредственному получателю, потому что передал ему имущество на основании действительного договора.

Второе положение, поддерживающее теорию Биркса, — это аргумент о причинно-следственной связи. Если доступен иск против непосредственно обогатившегося, то иск по модели *versio* к косвенно обогатившемуся лицу допустим, когда уместен следующий аргумент: «Вы не получили бы вашего обогащения от X, если бы X не обогатился за мой счет»⁹².

Все случаи, которые исходя из причинно-следственной связи дают основание для иска из обогащения, в равной степени приводят к взысканию в рамках подхода, по которому институт обогащения базируется на двух основаниях. Напротив, такой подход также может затрагивать случаи, которые не охватываются моделью, основанной на причинно-следственной связи. Несмотря на то, что эти два подхода касаются одной области права и частично перекрывают друг друга, иски против косвенного обогатившегося лица обосновываются с помощью различных правовых принципов. Как правило, общий запрет обогащения, учитывающий двухкомпонентный подход, возводят к римскому юристу Помпонию⁹³. Сформулированный им принцип звучит так: никто не должен обогащаться за счет другого. Однако это не строго формально-юридический принцип. Это, скорее, оценочный принцип справедливости. А вот модель, предложенная Бирксом, теоретически звучит как строго юридическая: суды получают возможность возвращать имущество только при соблюдении определенных требований, позволяющих квалифицировать иски к третьему лицу как паразитические. Однако на практике нельзя забывать, что концепция правовой причинно-следственной связи из-за своих отличий от естественной причинно-следственной связи по определению не может быть строго формально-юридической.

Как показывает Н. Уитти в своей значимой для систематизации работе, Биркс идет по хорошо проторенному пути. Уитти делится сравнительно-правовыми наблюдениями, показывающими, что общее правило, отрицающее ответственность в случае косвенного обогащения, часто обходят, когда имеется действительная сделка в отношениях между тем, кто обогатился непосредственно, и тем, кто обогатился

* Обогащение, возникшее из-за действия третьего лица, на данном этапе автор начинает именовать косвенным обогащением. — *Прим. пер.*

⁹¹ P. Birks, «At the expense of the claimant»: direct and indirect enrichment in English law» в *Unjustified Enrichment* (см. выше прим. 3). P. 493–525, 496.

⁹² *Ibid.* P. 514.

⁹³ См. выше прим. 14 и относящийся к нему текст.

косвенно, но нет юридических отношений между потерпевшим и лицом, обогатившимся непосредственно⁹⁴.

Причинно-следственная связь и двухкомпонентный подход находят точки соприкосновения в тех случаях, когда одновременно могут быть применены подход, основанный на справедливости, и формально-юридический подход. Это происходит, например, в ситуациях, рассмотренных в § 816 (1) и 822 ГГУ. Параграф 816 (1) ГГУ гласит, что если лицо, не имеющее титула на вещь, безвозмездно распоряжается этой вещью и такое распоряжение является обязательным для обладателя титула, то сторона, получившая вещь безвозмездно, обязана по реституции возратить ее. По мнению Биркса, иск в данном случае возможен, потому что право на вещь этой третьей стороны будто паразитирует на праве возврата полученного от непосредственно обогатившегося лица, у которого не было титула на вещь. Согласно двухкомпонентной теории иск возможен, потому что иное не будет соответствовать справедливости, которая информирует правовую систему, когда пострадавшему лицу пришлось понести потери.

Решение Биркса имеет большое преимущество в том, что исключает оценочный принцип справедливости из правового поля. Этот принцип вроде бы является характеристикой права, однако именно он вводит в правовую систему элемент неопределенности, который сам по себе является дестабилизирующим. Правовая концепция, стоящая за причинно-следственным подходом, — это принцип *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»): право обогащения не должно подрывать договоры, имеющие юридическую силу⁹⁵. Следуя этой логике, Биркс должен признать неверным «пресловутое»⁹⁶ решение по делу Будье, так как оно удовлетворяло требование к косвенно обогатившемуся лицу, хотя договор между потерпевшим и непосредственно обогатившимся был действителен.

Причинно-следственный подход основан на концепции, которая сильно отличается от двухкомпонентного подхода. Основой последнего является идея о том, что никакая правовая система, базирующаяся на строгости и юридическом формализме, не может функционировать без минимальной гибкости, которая обеспечивается признанием и применением принципа справедливости. Подход Биркса не учитывает ситуации, решение которых строгими формально-юридическими методами приведет к несправедливым результатам. Он является совершенно негибким. Хотя попытка удержать принципы справедливости в очень жестких границах достойна одобрения, не всегда возможно полностью от этого отказаться. Таким образом, по мнению Биркса, если потерпевший не имеет права на иск к непосредственному получателю его имущества из-за истечения исковой давности, потерпевший не должен иметь возможности обойти истечение срока с помощью реституционного иска к конечному получателю, получившему имущество безвозмездно⁹⁷. Соответ-

⁹⁴ См.: N. Whitty, «Rationality, nationality and taxonomy of unjustified enrichment» в Unjustified Enrichment (см. выше прим. 3). P. 658–729, 717–18.

⁹⁵ См.: Birks (см. выше прим. 91). P. 524.

⁹⁶ Ibid. P. 513.

⁹⁷ Биркс (Ibid. P. 524) отрицает возможность предъявления реституционного иска, когда отношения сторон возникли из договора.

ственно, риск в том, что правовая система, основанная на причинно-следственном подходе, все равно будет вынуждена прибегнуть к двухкомпонентному подходу для того, чтобы разрешать дела, демонстрирующие, что отсутствие иска по модели *versio* приведет к несправедливости.

К тому же область применения причинно-следственного подхода весьма узка. Биркс прямо ссылается на § 816(1) ГГУ, но эта норма требует безвозмездной передачи третьему лицу. Затем он упоминает дело *Lipkin Gorman*⁹⁸, в котором партнер юридической фирмы истца украл деньги со счета клиента компании, чтобы поиграть в казино ответчика. Казино было признано одаряемым лицом, и требование истца о взыскании с него денежных средств удовлетворено судом. Во всех делах, приведенных Бирксом⁹⁹ в поддержку своей позиции, конечный получатель имущества не осуществлял встречного предоставления, как и указано в § 816 (1) ГГУ.

Такой узкий подход, несомненно, служит основой для решения некоторых сложных дел, но не в состоянии помочь в разрешении несметного количества споров, в которых справедливость требует применения института реституции вне зависимости от основания получения имущества (каузы). Эта точка зрения поддерживается самим существованием в Италии и Франции иска о возврате неоправданно полученного, что отражает двухкомпонентный подход к праву обогащения. На практике в Италии нет примеров того, чтобы иск из неоправданного несправедливого обогащения исключал или конкурировал с иными видами исков (договорными, деликтными, кондикционными), которые основаны на строгом праве. Однако применение этого альтернативного иска из несправедливого обогащения потребует мудрости со стороны судов. Нельзя отрицать, что иск может приобрести деструктивный характер. Это цена, которую правовой системе придется заплатить за эластичность¹⁰⁰.

Дальнейшие аргументы против причинно-следственного подхода имеют формально-юридическую природу. Представим, например, такой случай: Д. одалживает книгу у С. Спустя некоторое время Д. забывает о том, что книга принадлежит С., и дарит ее Т. Согласно § 816 (1) ГГУ и ст. 2038 ГК Италии С. может предъявить иск третьему лицу — Т. Биркс обосновал бы такой иск отсутствием основания на передачу титула от С. к Д. Иск против Т. основан на принципе *pacta sunt servanda*: не существует действительной сделки между С. и Д., которая воспрепятствовала бы иску против Т.

Однако если такой принцип применим к отношениям между потерпевшим и непосредственным получателем имущества, почему он неприменим к отношениям между неуправомоченным отчуждателем и конечным получателем имущества (дословно: «к действительному основанию, по которому третье лицо приобрело вещь». — *Прим. пер.*)? Если защита с помощью действительного договора работает в одной ситуации, то почему она не работает в других? В противном случае различ-

⁹⁸ См.: *Lipkin Gorman*. (см. выше прим. 37).

⁹⁹ См.: *Ex multis. Bannatyne v. D&C Macler* (1906). 1 KB 103 (CA); *Butler v. Rice* (1910) 2 Ch 277. См.: Birks (см. выше прим. 91). P. 520–521.

¹⁰⁰ С другой стороны, разве применение всех видов исков не требует юридической мудрости/грамотности?

ные принципы будут применяться к двум схожим правоотношениям. Биркс не дает ответа на эти вопросы. Он сводит свой анализ к следующему выводу: «Не должно быть перепрыгиваний через тех, с кем есть договор»¹⁰¹.

7. Несколько примеров применения в сравнительно-правовой перспективе

Сравнительный анализ показал наличие двух основных реституционных структур. Первая именуется кондикционной моделью (неосновательным обогащением в узком смысле слова. — *Прим. пер.*), она направлена на объект исполнения, совершенного без правового основания, и используется для возврата переданного. Вторая называется версионной моделью (несправедливым обогащением, иском по модели *versio*. — *Прим. пер.*), она привносит элемент справедливости и совместимости с основными правовыми принципами, где со строгой, формальной точки зрения не требуется вмешательства (удовлетворения иска судом. — *Прим. пер.*). Эти модели имеют разные цели, но могут пересекаться. Кондикционная модель требует наличия неосновательного обогащения, т.е. обогащения, которое вызвано передачей блага без основания (без каузы). В версионной модели обогащение неоправданно и поэтому противоречит принципу справедливости, который наполняет смыслом и оживляет правовую систему.

В проанализированных правовых системах не всегда четко проводится различие между этими моделями. Например, в германском и итальянском праве признаются некоторые версионные иски, которые при этом именуются исками из «неосновательного обогащения». Это порождает путаницу, которой следовало бы избегать. У английского права есть возможность сделать собственный выбор, поскольку оно не отягощено устоявшимися традициями гражданского права. Кондикционная модель не сможет существовать в правовом режиме сама по себе. Смешанная модель, которая стремится к исключению версионных исков, как в немецком праве, приводит к неудовлетворительным результатам. Версионная модель может существовать отдельно, но в отсутствие кондикционной модели будет дестабилизировать реституционную систему, которая в первую очередь будет основана на справедливости (т.е. усмотрении судьи. — *Прим. пер.*), а не на объективном правовом принципе. Иск из неосновательного обогащения, не объединенный с иском из несправедливого обогащения, скорее всего, подтолкнет суды и законодателей к защите, с одной стороны, лиц, утративших имущество и не имеющих права прибегнуть к кондикционному иску, и, с другой стороны, тех получателей имущества, чье экономическое положение будет подвергнуто чересчур жесткому воздействию в случае применения этого иска.

Английский институт обогащения находится в стадии стремительной эволюции. После признания реституции разновидностью обязательства, возникающего «из основ естественной справедливости»¹⁰², реституционная структура была усовер-

¹⁰¹ Birks (см. выше прим. 91). P. 524.

¹⁰² Лорд Mansfield в деле *Moses v. Macferlan* (см. выше прим. 70).

шенствована и обновлена. В настоящий момент наблюдается вариативность между кондикционной и версионной моделями, что делает доступными любые пути развития. Выработка судом условий удовлетворения реституционного иска всегда свидетельствует о выборе более формального подхода, похожего на континентальную кондикционную модель¹⁰³. Некоторые авторы отметили изменения, через которые проходит английское право обогащения, признав, что дело *Kleinwort Benson v. Lincoln* «направило английское право в сторону кондикционного иска о возврате недолжно уплаченного»¹⁰⁴. Однако еще рано с уверенностью говорить о том, что кондикционная модель пустила прочные корни в английском праве. В высказываниях некоторых судей усматривается попытка отступления от абстрактных правовых размышлений в пользу более конкретных правовых принципов. В деле *Lipkin Gorman* лорд Гофф высказал следующее мнение: «В системе общего права иск о возврате денег основан на праве (а не на дискреции судьи. — *Прим. пер.*); и несмотря на то, что возмещение основывается на принципе несправедливого обогащения, отказ удовлетворить такое требование вытекает из правовых принципов»¹⁰⁵.

Лорд Гофф обратил внимание на необходимость принятия во внимание того, что судам требуется более определенный подход (нежели ссылка на принцип справедливости. — *Прим. пер.*). Такой подход не всегда виден из судебных актов, как показывает дело *CTN Cash & Carry v. Gallaher*¹⁰⁶, в котором истцами были владельцы складского помещения, которые, помимо прочего, продавали сигареты. Ответчиками были единственные дистрибьюторы известных сигаретных брендов, которые по ошибке доставили часть товара истцам. До того как им удалось забрать этот товар, он был украден. Ошибочно полагая, что риск случайной гибели товара перешел на истцов, ответчики выставили им счет за украденный товар. Во избежание изменения своих кредитных соглашений с ответчиками истцы оплатили счет, так как в противном случае это навредило бы их бизнесу. После оплаты истцы обратились с реституционным иском о возврате недолжно уплаченного, который был основан на применении к ним мер экономического принуждения. Апелляционный суд не нашел оснований для удовлетворения иска. Судья Стейн, подготовивший основное мнение суда, отметил следующее: «Результат дела выглядит весьма непривлекательным, так как ответчики получили право не возвращать деньги, которые, как выяснилось в ходе процесса, не должны им принадлежать. Однако, с моей точки зрения, закон вынуждает допустить такой результат»¹⁰⁷.

Риск случайной гибели не перешел к истцам. Истцы знали об этом, совершая платеж, однако они поступили так (оплатили счет. — *Прим. пер.*) во избежание большего зла. Факты были неоспоримы: правового основания для платежа не было. Однако судебная защита не может быть предоставлена. Сомнения судей видны и

¹⁰³ Сигналом такого развития служит дело *Westdeutsche Landesbank Girozentrale v. Islington LBC* [1996] AC 669 (HL).

¹⁰⁴ P. Birks «The Law of Restitution and the End of an Epoch» [1999] *University of Western Australia L. Rev.* 13–64, 42.

¹⁰⁵ *Lipkin Gorman* (см. выше прим. 37). P. 578.

¹⁰⁶ *CTN Cash & Carry v. Gallaher* [1994] 4 All ER 714 (CA).

¹⁰⁷ Ibid. P. 719 (лорд-судья Steyn).

из мнения судьи вице-канцлера сэра Д. Николса, который не исключил, что «реституционный иск, основанный на незаконном удержании денег»¹⁰⁸ мог привести к иному результату.

Если проанализировать дело *CTN Cash & Carry* с позиции двухкомпонентного подхода, вырисовывается следующая картина. Истцы не желали одаривать получателей платежа. Они заплатили лишь потому, что это было меньшим из зол. Оплачивая счет, они думали: «Мы сейчас произведем платеж, а потом взыщем эти деньги», — и оперативно предъявили иск. Платеж не имел правового основания, так как договор, который, по мнению ответчиков, служил основанием, на самом деле такого эффекта не создавал. Отсутствие основания должно было повлечь применение реституционного иска по кондикционной модели. Кажется, Апелляционный суд не отрицал этот довод. Он констатировал невозможность удовлетворения требования в заявленном виде, но допустил, что процесс мог завершиться более удовлетворительным для истца результатом, если бы иск был подан по иным основаниям. Это альтернативное требование было поименовано как «реституция, основанная на непропорциональном удержании денежных средств». Термин «непропорциональное» не совсем точен, правильнее было бы сказать «безосновательное», что, возможно, и подразумевал сэр Д. Николс. Это было бы требованием, вытекающим из безосновательного удержания денег, что напоминает формулу кондикционного иска, применяемого в Германии¹⁰⁹.

С другой стороны, применение корректного правового инструментария позволяет судьям находить приемлемое решение для сложных случаев.

В деле *Vedatech v. Crystal*¹¹⁰ истец (японская компания, производящая программное обеспечение) продавал в Японии компьютерную программу, разработанную ответчиками. Японская компания сделала солидные вложения в распространение этой программы, которые полностью себя оправдали, принеся хороший доход ответчикам. К несчастью для истца, продолжительные переговоры и обмен проектами соглашений между сторонами так и не привели к заключению договора (об использовании программы, хотя она уже была продана ответчикам. — *Прим. пер.*). Ответчики признавали за собой обязанность покрытия расходов, понесенных японской компанией на распространение программы, однако они были не согласны на получение разработчиком доли от своих будущих доходов от распространения. Суд поддержал истца и удовлетворил реституционный иск. Судья Джейкоб рассуждал об условиях удовлетворения реституционного иска следующим образом: «Надо установить, что... было обогащение, что оно было получено за счет истца и что оно было несправедливым. Все три элемента присутствуют в данном деле. Истцы выполнили работу, а выгоду извлекает ответчик. Получение ответчиком дохода от этой работы просто так было бы несправедливым».

Еще два абзаца в решении судьи Джейкоба имеют большое значение: «Принцип недопустимости несправедливого обогащения в большей степени основан на тре-

¹⁰⁸ Ibid. P. 720 (вице-канцлер сэра Donald Nichollas).

¹⁰⁹ См.: Dannemann (см. выше прим. 2). P. 1840.

¹¹⁰ См.: *Vedatech v. Crystal Decisions* (UK) [2002] EWHC 818 (Ch).

бованиях доброй совести. Может ли обогатившееся лицо без зазрения совести не оплачивать полученное? Если нет, значит, он несправедливо обогащается. <...> концепция несправедливого обогащения весьма гибкая... Гибкость зависит от целого ряда обстоятельств».

Анализ судьи Джейкоба верен. Условия удовлетворения кондикционного иска в данном деле не соблюдены: выгода, полученная ответчиком, имеет формально-правовое основание (его исключительное право на доходы от своей программы. — *Прим. пер.*). Этот путь закрыт. И все же отказ в защите противоречил бы доброй совести и принципу справедливости. Предоставленный иск гибок и учитывает различные вариации отношений, в то время как кондикционный иск неэластичен, поскольку обычно не учитывает позиции сторон. Использование кондикционного иска в деле *Barber*¹¹¹ не принесло бы победы истцам. Зато версионный иск (в оригинале опечатка — *actio-type* вместо *versio-type*. — *Прим. пер.*) исправляет ситуацию, которая верна с точки зрения юридического формализма, но противоречит справедливости.

Похожая аргументация, хоть и основанная на иных фактах, приводится в решении французского суда по делу Верро¹¹². Фабула этого дела следующая: картина, приписываемая представителю школы Фрагонара, была продана коллекционеру за 55 000 франков. После того как коллекционер очистил и оценил ее, он пришел к выводу, что это картина самого Фрагонара. Далее коллекционер продал эту картину за 5 150 000 франков музею Лувр. Когда предыдущий собственник картины узнал об истинном ее происхождении, он обратился с иском об оспаривании сделки купли-продажи как совершенной по ошибке (в предмете. — *Прим. пер.*). Из-за того что картина не могла быть возвращена продавцу, суд присудил истцу ее истинную стоимость. Тогда коллекционер обратился в Кассационный суд Франции, который частично удовлетворил его жалобу и присудил коллекционеру 1 150 000 франков за очистку картины и установление ее истинного происхождения, квалифицировав это требование как иск из несправедливого обогащения (*actio de in rem versio*)¹¹³.

Правило, что с помощью иска из неосновательного обогащения нельзя взыскивать стоимость улучшений, которые были произведены покупателем для себя, удалось обойти с помощью аргумента о ретроактивном эффекте расторжения договора, который лишил коллекционера личного интереса в картине. Как и в деле *Vedatech*, требования, предъявляемые французской моделью кондикционного иска, не были соблюдены. Суд указал на то, что коллекционер действовал не в личном интересе. Таким способом суд смог обосновать наличие основного условия в виде «отсутствия основания для расходов»¹¹⁴. «Отсутствие основания» в этом смысле отличается от «отсутствия основания для передачи», необходимого по французскому

¹¹¹ См.: *Barber* (см. выше прим. 41).

¹¹² См.: Cass. Iere civ., 25 Mai 1992, Bulletin civil, I, № 165, 113.

¹¹³ Вне всякого сомнения, удовлетворенный иск являлся версионным; он упомянут в краткой аннотации к решению. См.: J. Mestre, «Une decision de justice peut tout aussi bien priver de cause un appauvrissement qu'en conferer une a un enrichissement» [1993]. *Revue Trim de droit civil*, 580–81.

¹¹⁴ Это выражение использует J. Mestre (Ibid. P. 580).

праву для кондикционных исков по правилам ст. 1325 ГК Франции. Значит, французский суд привнес баланс в сложившуюся ситуацию, учитывая концепцию справедливости. Такой же подход усматривается и в английском деле *Vedatech*. Природа французского решения проявляется еще отчетливее, если принять во внимание, что так же, как английский суд передал долю в доходах ответчика истцу, несмотря на отсутствие договора между ними, так и нижестоящий французский суд определил размер обогащения, опираясь не строго на стоимость работы, выполненной антикваром, а оперируя более общими соображениями справедливости.

Дела *Vedatech* и Верро демонстрируют отличительную особенность версионного иска. Его гибкость позволяет судам разрешать ситуации, в которых требуется вмешательство суда, но строгое право не дает такой возможности. Чтобы институт обогащения был должным образом описан с точки зрения систематики права, система, основывающаяся на римской модели реституции, должна искать верный баланс между нормами строгого права, воплощенными в кондикционном иске, и общими принципами справедливости, как их передает версионный иск.